

В.А. Прищепова

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЦЫГАНЕ В ФОТОКОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ РАН

В МАЭ РАН отсутствуют вещевые (предметные) коллекции по среднеазиатским цыганам, однако хранится около 70 фотографий по этой тематике. Хронологически они охватывают период с 1870-х по 1930-е годы. До настоящего времени цыгане сохраняют достаточно закрытый образ жизни и потому являются малоизученным этносом. Название «среднеазиатские цыгане» является условным термином, которым местное население именует несколько самостоятельных этнических групп. Цыганологи объединяют под термином среднеазиатские цыгане мазанг, джуги и люли. В литературе одним из первых исследователей среднеазиатских цыган является А.И. Вилькинс, который проводил среди них антропологические исследования в 1879 г. [Вилькинс 1879: 436–461].

По замечаниям очевидцев, тех, кто посещал районы Средней Азии и интересовался местной жизнью, цыгане, проживавшие преимущественно в Узбекистане, в незначительном количестве — в Казахстане, Таджикистане, Туркмении и Киргизии, почти не отличались от своих соплеменников в других странах. В Средней Азии были благоприятные условия для кочевой жизни, отсутствовали какие-либо стеснения в отношении свободы их передвижения. Характерной чертой цыган было то, что они перенимали обычаи того народа, среди которого жили.

В МАЭ наиболее ранними изображениями среднеазиатских цыган являются поясные портреты мужчин и женщин люли из фотоальбома В.Ф. Козловского (1876 г.) «Типы народностей Средней Азии». Эти снимки представляли для своего времени огромный интерес. По деталям одежды цыган на портретах можно заметить много общего с традиционным среднеазиатским костюмом, в частности, у мужчин нижняя рубашка с круглым вырезом по горловине и халат-*чапан*. У женщин на снимках альбома прическа несколько отличалась от местной, узбекской и таджикской, волосы разделены на прямой пробор и заплетены в

две косы. У мужчин головы обриты как у мусульман. Обычно цыгане принимали религию того народа, среди которого проживали. Люли совершали необходимые ритуалы ислама, в своих кварталах у них были мечети, однако мулл среди них не было. Имамами были узбеки или таджики.

По мнению цыганологов, термин мугат является общим для обозначения мазанг, люли и джуги. Считается, что это самоназвание среднеазиатских цыган происходит от арабского слова «огнепоклонник, язычник». Люли их называют в Узбекистане, а джуги — в Таджикистане. Большинство среднеазиатских цыган двуязычны, они говорят на узбекском и таджикском языках. В быту у них основным является таджикский язык. По наблюдениям известного советского ираниста А.Л. Троицкой, среднеазиатские цыгане использовали «свой секретный язык», называемый *араби* или *лавзи мугат*. Им владели как взрослые, так и дети. Пользовались этим языком в тех случаях, когда не хотели быть понятыми окружающими [Архив МАЭ РАН, к. I, оп. 1, д. 636, л. 1].

Подобные тайные или условные языки сохранились в Средней Азии и ряде стран Ближнего Востока. Они описаны в специальной литературе. Троицкая посвятила отдельную работу изучению тайного языка люли и цеха артистов и музыкантов Ферганской долины и Ташкента [Троицкая 1948].

Следующими по времени поступления в музей стали фотографии второй половины 1880-х годов Н. Ордэ, на которой показаны люли Зеравшана. На одном снимке мы видим жилище люли — летний шатер. Чаще всего он был сделан из бязи белого цвета и держался на шестах или же его полотнище сшивали из разных лоскутов ткани. Ремесленники-*гальверчи* занимались изготовлением сит и решет. Фотограф запечатлел момент, когда мужчины выделывали к ним деревянные ободья. Цыгане занимались некоторыми ремеслами. А.Л. Троицкая, которая в 1930-е годы изучала среднеазиатских цыган, отмечала, что по занятиям люли и джуги прежде делились на ремесленников (*косиб*) и неремесленников.

Люли-ремесленники (городские цыгане) жили оседло таборами вблизи узбекских или таджикских кишлаков или на окраинах

таких городов, как Ташкент, Коканд, Андижан, Бухара, чаще всего в своих кварталах, которые называли *люли-махалля* или *джугихона* (цыганский квартал). Их зимнее жилище было каркасным или глинобитным среднеазиатского типа. В летнее время часть цыган-ремесленников выезжали семьями в близлежащие кишлаки, разбивали палатку и выполняли заказы жителей в обмен на продукты, как показано на снимках Ордэ. Зимой они возвращались в свои селения. Ремесленники, преимущественно деревообделочники, объединялись по производственному признаку. При этом выделялись особые «производственные группы + *тоифа*, например, *тавактарош* (деревообделочники), *гальверчи* (решетники)» [Архив МАЭ РАН, к. I, оп. 1, д. 636: 2]. Женщины помогали в работе мужчинам. Они выделявали кожу для бубнов, плели сетки для решет и сит, а также появлялись на базарах, улицах и дворах для продажи своих изделий — *чачванов* из конских волос, решет, сит, чашек, лопат, корыт, ложек, бубнов. Своих лавок люли не имели.

Рядом с мужчинами на снимке Ордэ расположились женщины. В отличие от местных мусульманок цыганки лица не закрывали. Они не пугались мужчины чужака-фотографа и смело позировали ему. Среднеазиатские цыганки исповедовали ислам, однако не носили паранджу и в поведении обладали в некоторой степени большей свободой, чем узбечки и таджички. На снимке Ордэ видна одежда: мужские халаты, тюбетейки, рубахи, женские широкие цветастые юбки и шали на плечах, платки на головах.

Кочевые люли традиционно вели бродячий образ жизни, странствуя небольшими таборами из 5–10 семей. На время кочевков цыгане выбирали старшину для переговоров с местной администрацией. Они не имели мест постоянной оседлости, останавливаясь около кишлаков на несколько дней. Летом они жили в палатках *чодыр*, которые иногда заменяли шалаши из веток. Зимой кочевые цыгане обычно проживали по городам и кишлакам у родственников или снимали клетушки-сарай, а теплое время года часть их вела бродячий образ жизни. Возможно, именно в такой период Ордэ и сделал снимок. Мужчины занимались барышничеством, работали поденщиками, иногда ювелирами. По

материалам А.Л. Троицкой, в Бухаре цыгане продавали пиявок, старики нередко становились знахарями. Женщины плели из конского волоса женские лицевые покрывала *чашиван*, гадали, попрошайничали.

На снимке «Ниществующие люли» (1925 г.), сделанном в Таджикистане, в городе Пенджикент П.С. Массажетовым, показаны цыганки. На них среднеазиатская одежда старинного покроя, длинные и широкие платья и халаты с длинными рукавами. Платки белого цвета прикрывают лоб, шею и грудь. В руках одной из женщин длинный посох. Среднеазиатские цыганки не ткали, не пряли, не пекли хлеб. Основным их занятием было профессиональное нищенство и гадание. У люли / джуги существовал обычай *торба* (или *хурджин*, т.е. сума), когда перед бракосочетанием старая женщина давала невесте в руки палку, клала ей на плечо переметную суму и та давала клятву содержать своего мужа сбором подаваний. Как показано на снимке, женщины ходили собирать милостыню, закинув за плечи *хурджины*, иногда с маленьким ребенком на руках, вооруженные длинными посохами для защиты от собак. Часто они также гадали, колдовали, иногда занимались мелким воровством. Воровство цыганами рассматривалось как профессия и удалство. Одним из видов заработка были пляска и пение.

Одежда среднеазиатских цыган была такой же, как у местного узбекского или таджикского населения. Женщины кочевых цыган повязывали платок тюрбаном с завязанными спереди концами. Пожилые носили бухарский *лячак*: платок, закрывавший шею и грудь.

В досоветский период к среднеазиатским цыганам со стороны местного населения и духовенства бытовало резко отрицательное отношение. В русских владениях Туркестанского края во время кочевий им разрешалось останавливаться у кишлаков только на трое суток. В Бухарском ханстве область кочевья цыган ограничивалась берегами рек и озер, если эти места не были заняты местным населением.

На еще одной фотографии Ордэ 1880-х годов позирует группа ферганских мазанг, на ней представлены мужчины, женщины

и дети. Они являются представителями одной из особых, совершенно неизученных групп цыган. В настоящее время о них почти нет сведений. Они вели оседлый образ жизни, занимаясь сельским хозяйством. В манере одеваться женщины мазанг в отличие от люли прикрывались платком. Нищенством мазанг не занимались. Мужчины и женщины мазанг занимались мелочной торговлей, разъезжая и выменивая иголки, нитки, бусы и прочее на продукты. На снимке Ордэ мазанг сняты на фоне арбы.

К «цыганоподобным» группам Средней Азии относят также кара-люли (черных люли), индустани-люли (индийских люли) или маймуны-люли. Внешне они выглядели значительно смуглее остальных цыган.

В 1932 г. во время работы Таджикской комплексной экспедиции АН СССР были сделаны два снимка люли в Хатлонской области Таджикистана. На одном из них показан общий вид цыганского табора, состоявшего из переносных жилищ-шатров белого цвета. На втором снимке — цыган в одежде, сходной с местным мужским традиционным костюмом, в тюбетейке, длинной рубаше навыпуск и штанах, держит пойманную лошадь. Еще на одном кадре группа люли сфотографирована внутри шатра. Кроме людей видна только часть верхнего полога палатки.

Описание устройства цыганской палатки сохранилось лишь периода 1870-х годов: при помощи двух вертикальных и одной горизонтальной палок натягивалась грубая хлопчатобумажная ткань, которая крепилась веревками к кольям, воткнутому в землю. Интерьер палатки состоял из висевших мешков с продуктами. У входа стояли деревянные чашки. На трех ножках устанавливался котел, на земле лежал войлок, пара ватных одеял, подушки и детская колыбель среднеазиатского типа.

В Бухарской области цыгане ставили похожие на палатки навесы. На уникальном групповом портрете «Внутри шатра» (1932 г.) сняты люли мужчины, женщины и дети, показаны быт цыган, их одежда.

В советские годы государство предприняло попытку интегрировать маргинальные сообщества цыган в основную массу среднеазиатского населения, привязать кочевых цыган к постоянно-

му месту жительства, найти им работу, устроить детей в школу. В 1926 г. было принято постановление о наделении цыган земель.

Осенью 1936 г. А.Л. Троицкая была командирована Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР (созданном в 1933 г. на базе МАЭ) для сбора материалов по социалистическому строительству у национальных меньшинств Средней Азии, в том числе у среднеазиатских цыган. Она побывала в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Туркмении [Троицкая 1937: 145–146].

В 1920–1930-е годы в Средней Азии процесс оседания цыган проводили, создавая цыганские колхозы, привлекая их к работе на предприятиях, подворными сборщиками в Союзутиле и путем организации промысловых цыганских артелей. В колхозах оседали в основном кочевые цыгане люли и джуги, не имевшие прежде постоянного жилья. Об этом свидетельствуют фотографии тех лет из коллекций А.Л. Троицкой.

По сведениям А.Л. Троицкой, в Узбекистане цыгане жили в Коканде, Андижане, Намангане, Маргилане, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, а также в долинах рек Сурхандарья и Кашкадарья.

Согласно официальной статистике, в Узбекистане, главным образом в Ферганской долине, имелось тринадцать цыганских колхозов, но чаще всего по этническому составу они были смешанными, узбекско-цыганскими. Цыганам колхозникам выдавали безвозвратный кредит, в основном для жилищного строительства. По производственному направлению колхозы были в основном хлопководческими. В колхозах создавались социальные условия для оседлости. Действовали клубы с музыкальными кружками, существовали детские ясли. В школах для цыганских детей преподавание велось выборочно на таджикском и узбекском языках. Здесь же работали ликбезы для взрослых.

Вовлекались цыгане и в политическую жизнь, среди них создавались комсомольские ячейки, в том числе и с участием женщин. Незначительное количество цыган трудилось в качестве рабочих на предприятиях Коканда и Самарканда. Стала появляться цыганская интеллигенция. Цыгане-ремесленники, преимуществен-

но деревообделочники, организовали ряд промысловых артелей. Бригады изготавливали сита, бубны, барабаны, а также погребушки и игрушечные барабаны. Многие цыгане стали одеваться по-европейски.

Библиография

Вилькинс А.И. Среднеазиатская богема // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1879. Т. 35, ч. I, в. 4.

Троицкая А.Л. *Abdoltili* — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии // Советское востоковедение. 1948. V.

Троицкая А.Л. Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы Среднеазиатских республик // Советская этнография. 1937. № 4.

Н.С. Терлецкий

СИСТАН КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. ГЛАЗАМИ РУССКОГО КУПЦА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Во второй половине XIX в., после завоевания туркменских земель, Российская империя становится непосредственной соседкой Ирана в Центральной Азии. Заметно укрепив свои военно-политические позиции в регионе, российское правительство вынудило Тегеран подписать в 1881 г. Ахал-Хорасанскую пограничную конвенцию, которая узаконила границу между Ираном и Россией по реке Атрек [Маннанов 1964: 55–63]. Впрочем, пограничный вопрос не был еще окончательно закрыт по причине неопределенности статуса туркменских территорий, соседних с Ахал-Текинским оазисом, Мерва, и нерешенности правовых отношений туркменского населения к России и Ирану. В 80-х годах XIX в. все эти вопросы были сняты в результате присоединения Мерва, Серахса и других туркменских земель Южного Туркменистана к России [Тихомиров 1960: 131–168].

Одной из крупнейших пограничных провинций на западных рубежах Ирана являлся Систан — древняя историко-географи-

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА ТУРКМЕН ПО ФОТОКОЛЛЕКЦИЯМ МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ

Первые немногочисленные фотодокументальные материалы МАЭ по туркменской одежде относятся к концу XIX — началу XX в. В послереволюционные, довоенные и послевоенные годы фотоколлекции по туркменам собирались эпизодически и по количеству изображений составляют незначительную часть иллюстративного фонда отдела Центральной Азии.

В 1954 г. из Музея народоведения в МАЭ передали тринадцать фотоколлекций. Среди них было две по традиционной культуре туркмен (МАЭ. Колл. И-1888, И-1904). Одна из коллекций состоит из стеклянных негативов (МАЭ. Колл. И-1888). В настоящее время трудно охарактеризовать их качество и сохранность. Судить о содержании снимков возможно лишь по кратким аннотациям описи, составленной сотрудницей МАЭ Е.П. Николаичевой вскоре после передачи коллекции в музей.

Вторая коллекция по туркменам содержит отпечатки (МАЭ. Колл. И-1904). Она небольшая по количеству снимков (41). В основном изображения относятся к 1930-м гг., хотя среди них встречаются и более ранние. Одним из них является фотография «Мерв. Группа туркменов» (МАЭ. Колл. И-1904-39). В качестве источника поступления, на паспорту МАЭ, кроме Центрального музея народоведения указан Дашковский музей. Напомним, что Музей народоведения был создан в 1924 г. на основе коллекционных собраний Румянцевского и Дашковского музеев. На фотографии отсутствует указание на год съемки.

Время создания фотографии могут помочь определить некоторые ее технические особенности. Во-первых, этот снимок не черно-белого цвета, который характерен для поздних изображений, а коричневого, что отличает снимки конца XIX — начала XX в. Кроме этого, данная фотография является стереофотографией. На одном паспорту по горизонтали размещено два одинаковых снимка. Рассматривать их нужно было одновременно через специальное оптическое устройство, чтобы получилось объемное изображение. Это новшество в фотографии не получило в дальнейшем широкого распространения (Редько 1999). До наших дней дошло незначительное количество подобных снимков. Коллекция аналогичных стереофотографий хранится в иллюстративном собрании МАЭ. Она датирована 1908 г. (МАЭ. Колл. 1320). Следовательно, стереофотография из Музея народоведения тоже может быть выполнена в начале XX в.

Еще одним ранним документом из Музея народоведения является фотография «О. Челекен. Туркмен-огурджалинец. Изд. Глушкова и Полянина» (МАЭ. Колл. И-1904-40). Сюжет снимка показался знакомым. При сравнении его с содержанием фотоколлекции И.Н. Глушкова по туркменам, хранящейся в МАЭ, выяснилось, что это же изображение входит в состав материалов И.Н. Глушкова (МАЭ. Колл. 1301).

Этот собиратель был одним из постоянных корреспондентов МАЭ в 1908–1909 гг. Он был горным инженером и около трех лет провел на острове Челекен, где заинтересовался жизнью обитавших там туркмен. И.Н. Глушков преподнес МАЭ коллекцию ювелирных украшений, собранных им на Челекене, и фотографии к ним, выполненные им самим. Впоследствии И.Н. Глушков, видимо, стал совладельцем издательства. В 1908 г. он передал музею серию открыток с видами местностей, исторических развалин, бытовыми сценками из жизни туркмен, в том числе острова Челекен. На открытках указано название известного в те годы издательства Глушкова и Полянина. Начало XX в. называют «золотым веком почтовой открытки», тогда в Туркестане возникали многочисленные открыточные издательства, которые, как правило, для воспроизведения пользовались собственными оригинальными фотонегативами (Голендер 2002: 16).

Эти открытки можно отнести к так называемой коммерческой фотографии, они могли быть своего рода сувенирами (Толмачева 2007: 85). Открытки И.Н. Глушкова не были студийными, они выполнены в естественных для моделей условиях. Поэтому коллекции И.Н. Глушкова, как и рассматриваемая открытка Музея народоведения, содержат научную информацию, представляя традиционную культуру туркмен-челекенцев.

Собиратель коллекции И.Н. Глушков называл население острова Челекен огурджалинцами. В фундаментальном томе «Народы Средней Азии и Казахстана», изданном в 1963 г., в числе мелких туркменских племен упоминаются «огурджалы» (Народы Средней Азии и Казахстана 1963: 18). Огурджали также обозначены на карте расселения туркмен (Народы Средней Азии и Казахстана 1963: 16). В то же время в 1964 г. в Ашхабаде вышел краткий историко-этнографический и краеведческий очерк А. Клычева, посвященный острову Челекен. Его автор считает, что название населения острова огурджалинцами является неоправданным и даже обидным прозвищем (Клычев 1964: 21, 22). Он высказал мнение, что огурджалинцев нельзя рассматривать как самостоятельное племя, как это делали русские исследователи Н.Н. Му-

равьев и Г.С. Карелин, и толкует термин «огурджали» лишь в значении «пираты», «разбойники».

И.Н. Глушков в своей рукописи, приложенной к собранным им ювелирным украшениям, характеризовал жителей острова как отважных и ловких контрабандистов, которые занимались вывозом соли и нефти в Персию на лодках, вмещавших до 3 тысяч пудов, и «добычею озокерита и продажею его в Хиву и Бухару». А. Клычев называет челекенских туркмен иомутами, которые жили в Туркмении в Ташаузской и Красноводской областях и затем заселили остров (Клычев 1964: 49).

На двух ранних фотографиях Музея народоведения «Мерв. Группа туркменов» и «О. Челекен. Туркмен-огурджалинец» мужчины позируют в черных барашковых шапках и длинных халатах. Обращают на себя внимание головные уборы. Это большие шапки черного цвета, прямые по форме, с круглым верхом. Туркменские мужчины носили меховые шапки различной формы поверх нижней, маленькой. У мервских текинцев и части иомутов в конце XIX — начале XX в. бытовали подобные высокие (30 см и выше) шапки с верхом полусферической формы (Морозова 1989: 53).

В комплекс туркменского мужского костюма входила нательная одежда: рубаха и штаны, которые можно увидеть на представленных фотографиях. Рубахи длиной до бедер белого цвета. Их шили из белой маты или бязи. Лишь у старика-челекенца на снимке рубаха темного, скорее всего красного цвета. Оформление выреза у рубах круглый старинный. У некоторых туркменских групп такой ворот называли суфийским, т.е. рубахи с подобным оформлением носило духовенство как «хранитель традиций древних форм одежды» (Морозова 1989: 42). На изображениях рубахи надеты под халаты, и поэтому отсутствует возможность увидеть, где располагался дополнительный разрез на горловине: горизонтально на плечах или вертикально справа. В конце XIX — начале XX в. преобладал горизонтально-вертикальный ворот.

Рубахи из ткани белого цвета с воротом по линии горловины показаны на портретах мужчин средних лет, туркмен гокленов и мервских текинцев из рассматриваемой коллекции (МАЭ. Колл. И-1904-3, 4, 5). Позже рубахи белого цвета с таким горизонтальным разрезом стали шить лишь старым мужчинам (Васильева 1954: 150).

Поясная одежда — штаны — у туркмен на фотографиях сшиты из белой материи. Их носили как в качестве нижних, так и верхних.

Верхняя одежда, халат, у старика с острова Челекен показан легкий, без ваты. Мервские текинцы на снимке одеты в однотон-

ные халаты, простеганные частыми вертикальными строчками. У одного из текинцев отогнута пола халата и видна подкладка, которая обычно была белого цвета. Все халаты среднеазиатского туникообразного покроя с длинными и широкими, сужающимися к низу рукавами. У старика с фотографии И.Н. Глушкова они закрывают кисти рук. Зимние стеганные халаты на вате традиционного покроя без плечевого шва с широкими рукавами показаны на фотографиях Музея народоведения «Тип мужчины средних лет (профиль)» и «Типы мужчин средних лет (профиль)» (МАЭ. Колл. И-1904-2, 4).

Обувь на снимках показана кожаная, сшитая, без каблуков, с плоской подошвой. На фотографиях видна лишь нижняя часть башмаков, закрытых штанами. Поэтому определить, что носили мервские текинцы — сапоги или более короткую обувь, — затруднительно. На открытке И.Н. Глушкова на старике мягкие кожаные сапоги. На этом же снимке показана детская одежда, по всей видимости, мальчика. На ребенке меховая шапка белого цвета. Светлые головные уборы носила мужская молодежь. Халат мальчика короткий, застегнутый на пуговицу, сшитый из тонкого мягкого материала, возможно, из бархата. Халат ничем не подпоясан и притален. Возможно, это одежда приталенного вида так называемого курдского, иранского покроя, которая была распространена у туркмен восточного побережья Каспийского моря (Морозова 1989: 46). Ребенок стоит без обуви и, видимо, без штанов.

На стереофотографии текинцы подпоясаны матерчатыми кушаками, сложенными в мягкий жгут. По мнению А.С. Морозовой, мягкие пояса были распространены у бедняков, богатые люди в старое время носили кожаные пояса с металлическими пряжками (Морозова 1989: 48). Однако, глядя на группу текинцев на снимке, трудно поверить в то, что это бедные туркмены.

В старину туркмены всегда носили кушаки и на нем укрепляли нож. На снимке «Тип мужчины в национальной одежде» показано, каким образом у туркмена-гоклен к кушаку с помощью узкого ремня и кольца прикреплен нож, засунутый за пояс (МАЭ. Колл. И-1904-1).

Остальные фотографии коллекции по туркменам Музея народоведения почти все относятся к 1930-м гг. По литературным данным известно, что в 1930-е гг. для шитья одежды во многих случаях продолжали изготавливать домотканую материю и использовали традиционные покрои даже в 1950-е гг.

На снимке «Тип мужчины в национальной одежде» туркмен-гоклен из Кара-Калы одет в рубаху с отложным воротником, вер-

тикальным разрезом спереди и застежкой на пуговицы (МАЭ. Колл. И-1904-1). Она сшита из материи темного цвета. Прежде на рубахи мужчин молодых и среднего возраста употребляли цветную ткань, они были без воротника с вертикальным разрезом. Такой фасон рубахи, как показано на снимке, появился в начале XX в. под влиянием русской моды.

Верхняя туркменская мужская одежда 1930-х гг. в иллюстративной коллекции Музея народоведения представлена несколькими халатами, которые бытовали в большинстве районов Туркмении. Черно-белые снимки изображают халаты туркменов-гокленов в узкую светлую полоску или с добавлением узкой темной полосы (МАЭ. Колл. И-1904-1, 4). Ткань предположительно пространственного красного цвета, на фотографии она похожа на полущелковую, делали с узкими продольными белыми и желтыми полосами. Из подобного сорта материи шили повседневные халаты. На изображениях халаты выглядят как сшитые по старинному среднеазиатскому туникообразному покрою со спущенной проймой, длинными и широкими рукавами. Края ворота и полы отделаны широкой орнаментированной тесьмой. Некоторые из них простеганы по длине. Под распахнутым халатом на снимке надет еще один однотонный темный, подпоясанный мягким кушаком. В прежнее время носили в холодное время года по два халата, подпоясывая нижний.

На поясном портрете «Тип мужчины средних лет (фас)» показан стеганный халат в узкую темную и светлую полосы, V-образный вырез которого обшит плетеной однотонной тесьмой (МАЭ. Колл. И-1904-3). Под халат надеты другие халаты или куртки с застежкой на пуговицы, прорезными петлями и пришивными воротниками. Таким образом, как видно по снимку, комплект национальной одежды к 1930-м гг. претерпел значительные изменения.

На парном поясном портрете мервских текинцев «Типы мужчин средних лет (профиль)» показаны два однотонных халата (МАЭ. Колл. И-1904-5). На одном из них виден окат кроеного вшивного рукава. Воротник этого халата выполнен как в старину: сзади стоячий, переходящий спереди в шалеобразный. Фотографии 1930-х гг. могут служить наглядной иллюстрацией соотношения старого покроя мужского костюма и некоторых деталей нового.

На снимке 1930-х гг. «Участники V-го Всесоюзного съезда Советов — Углай Ханхи и Ходар Мамедов — председатель колхоза Киргизского р-на» сфотографирован туркмен в куртке с нашивными нагрудными карманами (МАЭ. Колл. И-1904-13).

Головные уборы составляют одну из характерных этнических особенностей одежды туркмен. Большинство снимков коллекции Музея народоведения датировано периодом коллективизации. Судя по этим изображениям, в 1930-е гг. мужчины в окрестностях Ашхабада носили круглую тибетейку (МАЭ. Колл. И-1904-6, 13, 18, 21, 28, 34), а также маленькую шапочку, которая закрывала только макушку (МАЭ. Колл. И-1904-6). На портретах колхозников показано, что в те годы бытовала меховая шапка, но современного фасона, напоминавшая кубанку черного цвета, расширяющуюся кверху, иногда с матерчатым верхом (МАЭ. Колл. И-1904-6, 14, 38).

Фотографии коллекции Музея народоведения предоставляют документальные данные о комплексах мужского народного костюма конца XIX — начала XX в. и свидетельствуют о сохранении некоторых его элементов в 1930-х гг. в малоизмененном виде.

Библиография

Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. Новая серия. М., 1954. Т. XXI.

Голендер Б. Окно в прошлое. Ташкент, 2002.

Клычев А. Челекен. Ашхабад, 1964.

Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II.

Редько А.В. Основы фотографических процессов. СПб., 1999.

Толмачева Е.Б. Коммерческая фотография как этнографический источник // Радловский сборник. СПб., 2007.

В.А. Прищепова

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТУРКМЕН В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН (ФОТОКОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ 1920–1930 гг.)

Представленный очерк является продолжением работы по изучению иллюстративных коллекций МАЭ РАН по народам Центральной Азии, переданных в 1954 г. из бывшего Государственного Центрального музея народоведения Москвы (1924–1948) (Прищепова 2007: 134–139). В их число вошла коллекция по туркменам, состоящая из 41 фотографии (МАЭ. Колл. И-1904). Большинство материалов датировано 1934–1936 гг. Отдельные снимки относятся к 1925 г., а также к концу XIX — началу

XX в. Все изображения наклеены на типовые картонные паспорты МАЭ, краткая аннотация к ним выполнена в 1961 г. во время составления описи регистратором музея. При этом отсутствуют сведения о фотографах, собирателях, обстоятельствах сбора и поступления коллекции в Музей народоведения. Не всегда определено место проведения съемок.

Фотографии этой коллекции содержат материалы, относящиеся к таким сторонам материальной культуры туркмен, как мужская, женская и детская одежда, традиционные занятия населения, жилище, домашняя утварь, транспорт, архитектура. В фотографиях нашли отражение темы социальных отношений, воспитания детей, просвещения, образования, религии.

В процессе изучения фотодокументов по Туркмении 1934–36 гг. необходимо обращаться к историческим событиям тех лет. Ломка традиционного уклада в этом регионе происходила значительно позже по времени и болезненнее по сравнению с районами Европейской части бывшего Советского Союза. По литературным источникам известно, что даже в начале 1930-х гг. в Туркмении местное население активно противодействовало реформам, в некоторые случаи в виде вооруженных конфликтов. Выезжать в экспедиции в Туркмению в 1920-е и в начале 1930-х гг. было небезопасно. Поэтому музейные иллюстративные материалы этих лет немногочисленны. В фотоколлекциях Музея народоведения по туркменам содержатся уникальные фотоматериалы по традиционной культуре, сохранившейся в первые годы становления советской власти, в том числе изображения традиционного жилища.

Два снимка 1934 г. «Общий вид колхозного двора» и «Улица с электрофицированными юртами в колхозе “Большевик”» были сделаны близ Ашхабада и в Байрам-Алийском районе (МАЭ. Колл. И-1904-25, 26). Эти фотографии можно было бы отнести не к 1930-м гг., а к более раннему периоду. Настолько все на них выглядит традиционно. Картину архаики разрушает лишь присутствие во дворе вошедшего в обиход нового транспортного средства — велосипеда — и деревянных столбов с электрическими проводами, установленными около каждой юрты. Внешний вид колхозных усадеб на снимках показывает сохранение национальных форм в жилище туркмен в 1930-е гг.

На фотографиях видны ряды юрт, покрытых войлоками серого цвета, которые обычно изготавливали из овечьей шерсти. В прошлом у многих групп туркмен это кочевое жилище было господствующим. На снимках видны камышовые циновки, которые прикрывают снаружи боковые войлоки в целях предохране-

ния от порчи. Именно эта конструктивная деталь являлась внешним отличием туркменской юрты. Жилища на фотографиях лишены какого-либо декора, что было особенностью кочевого жилища текинцев. У них отсутствовали тканые полосы, удерживавшие циновки либо войлоки купола, характерные для туркмен других групп.

На одном из снимков у юрты откинута часть камышовой циновки и бокового войлока и виден фрагмент решетчатых складных стенок. На фотографиях показаны также дверные проемы юрт, состоящие из боковых стоек, порога и притолоки, с деревянными дверями. Такие двери появились в 1930-е гг. (Васильева 2000: 111). Снимок зафиксировал их именно в эти годы. Двери делали двустворчатыми. Прежде дверной проем занавешивали коврами, войлочными, в теплое время — камышовыми полотнищами.

На переднем плане одной из фотографий показана юрта в сложенном виде. На земле лежат деревянные жерди, войлоки, сверху на них — купольный круг и рулоны свернутых циновок. Рядом стоит верблюд, которого за поводок держит мужчина. Эту юрту или только что привезли, или собираются перевозить на другое место.

Фотография 1934 г. «Освещение юрты» выполнена в период, когда началась электрификации коллективных хозяйств в Туркмении. Этот снимок мог быть выставлен в витрине современного магазина электротоваров в качестве рекламного плаката, настолько наглядно мужчина и женщина в национальной одежде вставляют в патрон электрическую лампочку, подвешенную к потолку юрты (МАЭ. Колл. И-1904-27). В литературе описан случай, когда в 1950-е гг. временная осветительная линия была проведена даже на хлопковые поля для работы в вечернее время (Винников 1954: 33).

Наряду с юртой у туркмен бытовали постройки оседлого типа. На фотографиях селений среди кочевых жилищ стоят небольших размеров глинобитные одноэтажные белого цвета здания с плоской крышей. Можно предположить, что это традиционные каркасные мазанковые постройки. Их сооружали из местных строительных материалов. Деревянный остов покрывали камышовой циновкой и затем обмазывали глиной. На снимках у таких домов маленькие окна, расположенные под крышей. В старину их затягивали бычьим пузырем. Такие камышовые сооружения получили большое распространение в 1930-е гг., в период коллективизации и оседания населения (Васильева 1982: 193). Одноэтажные постройки с плоской крышей использовались не

только как жилые помещения, но и в качестве подсобных, хозяйственных помещений. Этот тип построек сохранился до наших дней (Васильева 1982: 193).

На снимке 1934 г. показано здание школы *мактаб* в ауле Кипчак близ Ашхабада (МАЭ. Колл. И-1904-34). Одноэтажная постройка с плоской крышей имеет нетипичные для народной архитектуры большие застекленные окна, появившиеся под влиянием русской культуры. Дома такого вида сочетали в себе элементы нового типа жилища и унаследованные традиции старого в конструкции, технике строительства и материале.

На снимке 1934 г. «Установление радиомачты в ауле “Шор-Кала” в колхозе им. Ленина» трое мужчин работают около примыкающих друг к другу домов с купольными перекрытиями (МАЭ. Колл. И-1904-29). В музейной документации отсутствуют данные о том, в каком районе Туркмении была сделана фотография. По литературным данным известно, что подобные постройки были характерны для Мервского оазиса (Народы Средней Азии и Казахстана 1963: 68). Еще в конце XVIII–XIX вв. там существовали своеобразные постройки из сырцового кирпича со сводчатыми куполами, которые служили жилищем или хранилищем для вещей и продуктов.

Г.П. Васильева, описывая формы оседлого жилища у туркмен, отмечала бытование двух типов куполообразных построек. Камышовое круглое в плане с куполообразной крышей было распространено, главным образом, в Мервском оазисе. По полевым материалам Г.П. Васильевой 1979 г., у одних туркменских племен жилище подобного типа исчезло уже в конце XIX в., у других сохранялось в качестве хозяйственного помещения (Васильева 1982: 197).

Дома с купольно-сводчатым перекрытием из сырцового кирпича и пахсы издавна бытовали у населения Южной Туркмении. В 1955 г. во время поездки в Туркмению Г.П. Васильева встретила сохранившиеся купольные дома, которые использовали в качестве хозяйственных построек (Васильева 1982: 203–204). В 1960–1970-е гг. участники Южно-Туркменской экспедиции зафиксировали развалины большого селения, застроенного почти сплошь домами с куполами, в которых проживали до 1950 г. Г.П. Васильева высказала предположение о генетической связи между двумя древними формами купольных композиций народного жилища (Васильева 1982: 206).

Приведенные данные позволяют определить, что на коллекционной фотографии изображены жилые куполообразные дома одного из районов Южной Туркмении. Качество музейной фото-

графии не позволяет с точностью назвать материал, из которого выполнены эти сооружения. Можно предположить, что из сырцового кирпича.

Со временем постройки традиционных оседлых форм устаревали, разрушались и использовались как хозяйственные. Они фактически не сохранились и дошли до нас лишь в немногих иллюстративных материалах, в том числе музейных.

Многие фотографии, переданные из Музея народоведения, небольшие по размеру. Тем не менее на них можно рассмотреть некоторые детали. На панорамном снимке колхозной улицы в Байрам-Алийском районе на переднем плане женщина сидит перед очагом, которым пользовались в летнее время для приготовления пищи.

Фотографии коллекции Музея народоведения предоставляют документальные данные о материальной культуре туркмен 1930-х гг. и являются достоверным этнографическим источником. В некоторых случаях для уточнения информации, содержащейся в иллюстративных материалах, приходится привлекать научную литературу. Каждый снимок включает в себе множество сюжетов. Продолжение изучения накопленного Музеем народоведения фотофонда позволит выявить новые источниковедческие возможности.

Библиография

Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX — начале XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Васильева Г.П. Типы переносного жилища туркмен // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.

Винников Я.Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. Новая серия. М., 1954. Т. XXI.

Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II.

Прищепова В.А. Прошлое и настоящее народов Средней Азии и Казахстана в материалах МАЭ (фотоколлекции Музея народоведения: 1920-1930гг.) // Радловский сборник. Спб., 2007.